

Пленница медведя

Автор:

Анна Владимирова

Пленница медведя

Анна Владимирова

Медведи Аджуна

- Ты должна мне, - поднял на меня глаза. - Обязана жизнью.

- Послушай, мои родители заплатят, сколько скажешь...

- Мне нужна ты, - отвел он взгляд в окно и сощурился на свет.

- Я? - моргнула. В горле пересохло. - Я... у меня свадьба через месяц...

Он медленно поднялся, прожигая взглядом, а я съежилась под ним. Выгорала, как брошенная в огонь бумага, и чувствовала себя опустошенной. Пальцы мужчины скользнули по коже и сжались на подбородке, а я зажмурилась, сдаваясь.

Одна глупость стоила мне всего. Он - чудовище, монстр, а я - его пленница.

Анна Владимирова

Пленница медведя

Пролог

Первая мысль вспыхнула искрой, когда услышал ее крик. Тяжелое хриплое дыхание взорвало мой спящий в звере разум, и я поднял морду, принюхиваясь. Лес наполнился тревогой и волчьим рычанием. Сообразить, что происходит, заняло пару секунд – звери преследовали кого-то. Кого-то, чей крик вернул меня к жизни, и я рванулся ему навстречу как последней возможности вернуть себе разум. Думал ли я, что именно потребуется, чтобы воспользоваться шансом? Нет. Мое сознание билось в агонии возвращенного ему права голоса, пока зверь – неожиданно – выпустил его из плена.

Я увидел ее сразу – светлый до боли режущий глаза блик на грязном пятне лесного месива. Белые странные волосы до задницы заплетены в тучу кос, светлое оборванное короткое платье, босые сбитые ноги и ходящая ходуном грудь. Она выпала из кустов на прогалину и, не в силах больше встать, поползла к дереву. А уже через пару ударов сердца в поле зрения выпрыгнула пара волков.

Белые.

Ненавистные твари...

Я встал на задние лапы и заревел, обозначая свои интересы.

Девчонка всхлипнула, а хищники вздыбили шерсть. В голову ударил чужой посыл: «Она – наша!»

«Моя», – коротко ответил и бросился на тварей.

Битва была недолгой. Я в ярости едва не потерял связь с собой, защищая добычу, но запах девчонки держал как на привязи. Ее всхлипы, дрожь, страх звали так, что невозможно было сопротивляться и потеряться в звере снова. Я даже толком не понял, убил волков или им удалось сбежать. Ублюдкам благоволил дождь, смывший мою агонию. Вкус крови на языке дернул нервы, и я утробно заревел.

Девчонка жалась к березе, всхлипывая от страха, и я низко наклонил голову, не решаясь приблизиться в образе медведя. На секунду внутренности скрутило –

как мне к ней вообще подойти, если не могу обернуться? Но тело послушно подстроилось, будто и не было забвенья – зверь, наконец, выпустил из плена. Я следил, как втягиваются когти в пальцы, сжимавшие влажный мох, наслаждаясь прикосновением. Как же хотелось остаться в этом мгновении навсегда!

Сколько меня не было?

Я вернулся!

Из горла вырвался хрип, и я тяжело поднялся на ноги.

– Черт, да! Да! – крикнул в небо.

По лицу забила теплая россыпь капель, и я оскалился в небо, не зная, сколько мне дали времени. Когда вернул взгляд на девушку, обнаружил, что она смотрит на меня во все глаза. Теперь можно было подойти, заговорить... Я протянул руку:

– Пошли. – Даже не понял, прорычал или сложил мысль в слово.

– Куда? – хрипло спросила она.

Хороший вопрос. Я огляделся, восстанавливая память. Знакомое место – до хижины недалеко.

– Ко мне, – вернулся к девушке взглядом.

Кажется, я впечатлил ее не меньше тех, кто гнался за ней, но ничего не мог поделать. Инстинкты били кувалдой по голове, и в мыслях творилось черт-те что. Ее уязвимая поза, большие глаза и запах дергали нервы с каждым вздохом все сильнее, подводя к вполне конкретному действию.

Я чувствовал голод. И когда она попыталась подняться на трясущихся ногах, четко ощутил дикое животное желание. Ползшее от солнечного сплетения, оно смешивалось с адреналином и било в низ живота.

Она – не добыча.

Она... моя женщина.

Я шагнул к ней и без церемоний вжал в ствол.

Во взгляде девушки явно читалось, что никуда ее страх смерти не делся, а лишь усилился. Она вцепилась в мои руки ледяными дрожащими пальцами, а душу свернуло от ее рваного вздоха. Но, к несчастью, он и дернул меня из подступавшей темноты. Я моргал на нее, как на свет в конце тоннеля, и старался не упустить. Лишь бы не молчала!

- Говори, - потребовал хрипло, но она только забилась в моих руках. - Прекрати! - тряхнул ее и сжал ладонь на нежной шее.

Мне будто поставили условие возвращения - берешь ее или разворачиваешься и идешь бродить по лесу на четырех лапах, позабыв об этом вечере.

Нельзя упустить этот шанс.

Казалось, вокруг все стихло - ветер и шелест, вытряхнутый им из деревьев. Остались только наше с девушкой рваное дыхание и взгляд глаза в глаза. Я видел - не сдается. В ее глазах хоть и читался страх и растерянность, но плакать и умолять она не будет. Мои пальцы двинулись вверх по ее шее, и я не выдержал - прикрыл глаза, отчаянно отдаваясь удовольствию ощущений.

Наверное, так чувствуют вкус чего-то запретного долгие годы. Я провалился в ощущение легкого влажного сопротивления касанию, жадных толчков ее пульса под пальцами и тяжело сглотнул. Повел носом...

...и тут же получил звонкую пощечину, от которой даже не дернулся. Наоборот - она будто поставила точку.

Одно движение - и я запустил пальцы в непослушные волосы и вжал ее в свое тело, впиваясь губами в шею. Девчонка забилась в руках с новой силой, будто мотылек в паутине, но уже поздно - слабела с каждым вздохом и сдавалась. С каждым движением моего языка дрожала все сильнее.

А жизнь требовала брать – жадно, быстро, пока дают. Я чувствовал танец этого зова на кончике нервов, как вкус ее кожи на языке.

И я взял – подхватил девчонку под бедра, вынуждая обхватить мои ногами и схватиться за плечи.

Кружевное белье сдало позиции, и я влетел в нее, жмурясь от отрезвляющей тесноты, сжавшейся вокруг члена до боли. Девчонка вскрикнула, впиваясь ногтями в плечи, но это ни черта не отрезвило. Я продолжал втискиваться в нее, дурея от ощущений, а дождь лупил по телу все сильнее. В груди дрожало от рычания, под ладонями скользила тонкая кожа моей жертвы, а перед глазами белела в сумерках ее натянутая шея.

Так хорошо и так плохо одновременно мне еще не было. Девчонка – чистое концентрированное наслаждение. Ощущения от ее тесноты крутило узлом низ живота и выворачивало душу наизнанку. Я толкался в нее жадно, с каждым движением возвращаясь к жизни. В голове прояснялось, и вместе с этим крепла человеческая оценка происходящему... И чем больше я становился прежним, тем сильнее хотелось выть от отчаянья – что я делал?! Но остановиться невозможно, да и не нужно было это никому из нас.

Девчонка стонала, одурманенная моей подчиняющей силой, и даже слабо отвечала, выгибаясь, от чего ее маленькая грудь с торчащими сосками впивалась в мою. Я сжимал зубы, ненавидя себя за то, что делал, но лишь одной частью. Другой понимал – я бы сделал все точно так же, если бы дали возможность переиграть. А когда она раскрыла рот, хватая воздух, и лихорадочно задышала от подступавшей агонии, вопросов не осталось – я лишь смотрел, как закусывает губу так, что та белеет, как закатывает глаза и болезненно хмурит брови. Касался ее лба своим, будто слияние и правда возможно, шептал что-то неразборчивое, будто она соглашалась быть моей. Будто нас обоих спросили...

Только мир, который я так жаждал вернуть себе, померк. Осталась лишь она – белый мотылек, дрожащий в руках. Трепетный танец ее удовольствия сдетонировал и мое – мы выпали в параллель, оборвав все нити с реальностью, в которой я – бешеный оборотень, взявший ее силой. Она жарко дышала в мой рот, постанывая и прижимаясь ко мне, будто я не был чудовищем...

Но наваждение таяло, выталкивая на берег реальности. С последней волной я открыл глаза и посмотрел на незнакомку в упор. Она тяжело дышала, еще не придя в себя, но уже не обнимала плечи – отталкивала и пыталась соскочить с меня. Я перехватил ее под ягодицы, зло вжимая в себя сильнее, и она раскрыла глаза:

- Пусти! – простонала.

- Нет, – прорычал в ответ.

Но заставил себя из нее выйти, иначе далеко бы не унес. Потому что девчонка – моя, и плевать, как ее занесло ко мне в лапы. Я не выпущу.

Никогда.

Глава 1

Я сдалась... Сошла с ума, потому что жалась к его телу – единственному источнику тепла в этом безумии. Мыслей не было, только его дыхание и мягкие толчки от его стремительных нечеловеческих шагов. А еще – шелест дождя, превращавшийся в зловещий шепот. Холодные капли испарывали кожу, дергая натянутые нервы. Я чувствовала себя на грани...

Не знаю, сколько прошло времени. Уже стемнело, и я проваливалась в беспамятство, болтаясь в его руках тряпкой. Почему он не убил? Почему он... Нет, не думать, пожалуйста! Не думать...

Он дрожал. Дышал все тяжелее... Чувствовала – пытался согреть. Мои пальцы... Он клал в рот мои пальцы, отогревая. Мне иногда казалось, он снова медведь, и мучиться уже недолго. Но вдруг по ушам резануло скрипом дерева. Я вскинулась на его плече, и он сжал сильнее:

- Тш...

Ступени?

Удар. И он внес меня куда-то, где наконец-то стало тихо. И темно.

- Держись, - прорычал.

Здесь пахло сыростью и травами. Было холодно. Очень. А он взбежал по еще одной лестнице, прошел куда-то и опустился со мной на что-то мягкое.

- Н-н-не... - сорвалось с дрожащих губ, но он разорвал мокрый сарафан и стянул его ошметки с тела, дернул на меня одеяло. Шерстяное. Колючее...

- Лежи, - приказал, а сам ушел.

Кажется, прошла вечность, наполненная темнотой и холодом. Я жалко плакала, дрожа. Одеяло не грело, а больше давило и колело, отчего казалось, что тело онемело, а отчаяние рвало сердце в клочья.

- Эй! - хрипло вскрикнула я, пытаюсь не впасть в истерику. - Вернись. - Где-то стукнула дверь, слышались быстрые шаги и грохот. - Не уходи! - подскочила.

- Лежи, - глухо шикнул он. Слышалась возня, а потом мой мир прорезала вспышка света.

Наверное, я не забуду этого никогда - освещенное спичкой лицо мужчины, который стал единственной надеждой на спасение. В этом мире, неожиданно обернувшись чистым адом, все выцвело. Все оценки случившемуся потеряли прежнее значение, притупились и стерлись о россыпь болезненных воспоминаний.

Я смотрела, как в руках незнакомца разгорается надежда на жизнь. Мне столько раз казалось сегодня, что завтрашний день уже не для меня. А он вдруг настал - загорелся в камине, застучал бревнами и затрещал щепками, наполняя нос запахом дыма. И снова отчаянно захотелось жить.

Мужчина поднялся, дернул заслон над камином и направился ко мне. Когда приподнял край одеяла, к телу рванулся холод, и я едва не задохнулась.

- Сюда иди, - сгреб он в объятия и прижал к себе, укладываясь рядом.

Без дождя и ветра его тело оказалось очень горячим. И пусть не сразу, но вскоре я перестала дрожать. Дышать стало проще, веки отяжелели, а тело налилось свинцом. Даже голод уже не чувствовала. Незнакомец, кажется, растирал мои плечи и что-то хрипло шептал - какую-то несурязицу: «Левый поворот направо, Рэм, Аджун, телефон... два три три восемь шестнадцать... Я вернулся, вернулся...»

* * *

Я проснулась от треска. Голова казалась налитой железом, но кое-как разлепить веки все же удалось. Комната еще тонула в предрассветном сумраке. В поле зрения попадал край низкой кровати, деревянный пол и камин. Я вытянула руку в сторону огня - тепло. В голове клубился туман, хотелось срочно почувствовать хоть что-то, чтобы не сомневаться - я жива. По щеке скатилась слеза, в горле сдавило спазмом, и я зашлась кашлем.

Тут же слышались быстрые шаги, и в комнату вошел вчерашний незнакомец. Мужчина поставил чашку на пол, а сам сел и перетянул меня к себе на колени, поддерживая.

- Давай, - поднес чашку и прижался губами к виску. - Жара нет, хорошо.

Я схватилась за чашку и принялась жадно пить. На языке защипало от мяты и стало кисло от лимона, а руки дрожали, но, казалось, не было в жизни более счастливого момента. Но когда вода кончилась, момент тоже сошел на нет, и я скосила глаза на мужчину. Он внимательно на меня смотрел, хмурясь, будто ждал реакции и был готов к любой. Я даже чувствовала, как напряглись его мышцы.

- Спасибо, - прошептала, все еще тяжело дыша. - Что спас.

То, что было между этими двумя событиями, казалось бредом. Я натянула край покрывала, из которого так и не выпуталась, к счастью, потому что грудь прикрывали только длинные волосы. Идиотизм, конечно, ведь ночь мы провели под этим одеялом вместе, и это был вопрос жизни. Но ночь кончилась. А у жизни

вроде бы были другие правила. Или здесь они не действуют?

И незнакомец молчал, как назло, парализуя суровым взглядом.

- Это ты спасла, - заключил вдруг. - Встать можешь? Или принести завтрак сюда?

- Мне нечего надеть, - сжималась я от его голоса.

Почему-то язык не поворачивался задавать ему вопросы и нарушать это нереальное спокойствие после всего случившегося.

- Найду что-нибудь.

Я сползла с его колен и проследила взглядом, как он прошел к шкафу в углу. Способность воспринимать окружающее возвращалась - я рассматривала его комнату и находила ее все более живой, не то, что вчера. Теперь в свете утра могло показаться, что мы в горном отеле в Страйквике, куда я любила ездить одна. Мансардная комната обставлена лаконично по-мужски, холодно и немного монотонно. Крыша сходилась скатами в центре, укрепленная балками. Только здесь они казались не элементом декора, а серьезной конструкцией. На полу перед кроватью лежали шкуры, а камин выложен диким камнем. У окна - рабочий стол и шкаф, в котором рылся Медведь. Я называла его так про себя. Потому что не хотелось знать его имени. Хотелось забыть быстрее все...

Сам он был одет в домашние спортивные штаны, сливавшиеся цветом с комнатой - непонятно-серые. И то ли от этого невнятного фона, но сам он притягивал взгляд. Высокий. Я смотрела на его широкую спину и чувствовала дрожь... и страх. За прошедшие сутки нервы так вымотались, что по щекам снова покатались слезы, и я всхлипнула, жмурясь.

- У тебя что-то болит? - оказался он рядом бесшумно.

Когда открыла глаза, обнаружила, что он внимательно смотрит на меня.

Я бы дала ему лет тридцать. Глаза при свете дня оказались ярко-синими, но смотреть в них долго не выходило. А еще золотистые блики вокруг радужки

говорили, что вчерашний медведь мне не привиделся. Этот мужчина совершенно точно был оборотнем. Короткая щетина всегда была моей слабостью, но не в его случае. Мог бы быть красавчиком, если бы не был Медведем.

- Нет, - прохрипела. - Не знаю.

Не скажу, что я боялась оборотней. Даже наоборот - меня они всегда привлекали в качестве феномена нашей вселенной. В Дефоресте их жило немало, больше, чем в ближайшем Смиртоне. Но в городе они другие - почти люди. Пара моих подруг даже встречались с ними. Да и как тут устоять? Столько таинственности...

Но этот отшельник меня пугал до дрожи.

- Как ты оказалась в лесу? - Вроде бы спросил, но в тоне ясно чувствовалось отсутствие опции «соврать».

- Я ехала в Ганнт.

- Одна? - удивленно.

- Да, - поежилась.

Дальше не зазорно было бы услышать «Ну и дура». А я и была ею. Это нужно полностью потерять сцепку с реальностью, чтобы так психануть и поехать с охраняемого побережья обратно в отель самостоятельно.

- И кто тебе позволил? - хмурился он.

- Я никого не спрашивала, - слабо мотнула головой. - А потом на дорогу выскочили волки...

Он прикрыл глаза и кивнул на край кровати:

- Футболка. Штаны, боюсь, будут болтаться, - скользнул взглядом по мне так, что захотелось сжаться. - Прости, женского нет. Поэтому пока так. Ванная по коридору направо.

Он проследил, как я натягивала футболку, задумчиво хмурясь.

- Вы дадите мне позвонить родным? - отважилась я на вопрос.

Мужчина не казался психом. Может, не помнил, что произошло в лесу? Мало ли... Я бы тоже хотела забыть.

- У меня нет связи, - поднял на меня взгляд. - Пока что. Нужно ехать восстанавливать... Меня слишком долго не было дома.

- Родные будут искать меня, - я дышала все чаще.

По выражению его лица сложно было что-то сказать, но он больше не горел энтузиазмом мне помогать - это определено.

- Когда сможете восстановить связь? - допытывалась я, пытаюсь затянуть штаны потуже, чтобы они задержались хотя бы на бедрах, пока он направился к камину. - Или вы можете меня отвезти, раз собрались ехать?

- Я не могу тебя отвезти, - отрезал он зло и бросил полено в огонь, который сразу же остервенело на него набросился.

- Почему? - прошептала, чувствуя, как обрывается все внутри и накрывает паникой.

- Потому что я... понятия не имею, сколько меня не было в этом мире! - зло процедил он, не оборачиваясь. - Заведется ли машина - не знаю! Света в доме нет...

Я готова была бежать отсюда сломя голову - такую панику вызывал этот тип.

- Но должен же быть какой-то способ связаться с людьми.

- Давай ты успокоишься, и мы позавтракаем? - глянул на меня сурово, выпрямляясь. - И поговорим.

– Хорошо, – закивала.

Я на негнущихся ногах прошла за ним по коридору и бегло оглядела ванную. Под скошенной крышей она казалась небольшой. Но для меня – вполне просторно. Я наскоро приняла душ в кабинке, бренд которой встречала только в очень хороших отелях.

Впечатление от дома вообще было странным. Его хозяин любит уют, а еще у него все отлично с доходом. Было. То есть это не оборотень-лесник и какой-нибудь человеконенавистник. Хотя насчет второго я еще точно не знала.

Глядя на себя в зеркало, вдруг подумала, что он, может, боится, что я на него настучу за... секс? Я медленно моргнула и посмотрела отражению в глаза. Что это было? Шок? Или он не контролировал себя? А я? Я же тоже не в себе была... То есть то, как меня выбросило в агонию какого-то дикого наслаждения, я помнила хорошо. Он не принуждал... А мне... Мне даже стало лучше – прошел страх...

Тряхнув волосами, я протерла глаза и осмотрела себя более критично. Футболка Медведя на мне смотрелась как платье и еле уловимо пахла им и каким-то парфюмом.

Осмелев, я открыла дверцу шкафчика над раковиной – так и есть! Черный флакон дорогого мужского парфюма, запах которого наполнил рот слюной. Очень дорогого. Аромат такой тонкий, но в то же время насыщенный... Я опомнилась, чертыхнувшись – он же почувствует, что лапала флакон! У этих ребят абсолютное чутье, не даром и аромат такой сложный.

Вернув все на место, я на всякий случай вымыла руки с мылом и вышла из ванной. Вниз вела деревянная лестница, которая казалась грубо обтесанной лишь на первый взгляд. В обстановке первого этажа четко читался стиль, убеждающий меня в недавних заключениях. Тут тоже горел камин, а на невысоком столе ждал завтрак.

Хозяин замер в зоне кухни справа, не обращая на меня внимания. Спина прямая, каждая мышца налита напряжением, кулаки сжаты...

– Проходи, – глухо приказал он, и я рада была отбежать от него подальше и забиться в угол дивана, отгородившись столом. Он обернулся с двумя чашками кофе и медленно приблизился, не спуская с меня взгляда: – Тебе надо поесть.

А я и забыла, что голодна.

На завтрак были яйца с салом, но носом крутить было бы еще большим идиотизмом. Откуда только яйца, если электричества нет? Врет? Я украдкой окинула гостиную взглядом – светлая. Два больших окна показывали одинаково унылую картину – мокрый утренний лес с налетом легкого тумана поверх.

– Мне надо сообщить родным, – перевела на мужчину взгляд, когда он опустил в кресло напротив.

– Ты должна мне, – поднял на меня глаза. – Обязана жизнью.

– Я заплачу, – выпрямилась я.

– Заплатишь, – кивнул он, рисуя жесткие линии скул.

– Послушай, мои родители заплатят, сколько скажешь...

– Мне нужна ты, – отвел он взгляд в окно и сощурился на свет.

– Я? – моргнула. В горле пересохло.

– Я не мог вернуться в человека, – глухо прозвучал его голос, а на лице отразилось столько непонятных мне эмоций, что мороз прошел по коже, несмотря на горячую чашку кофе в руках и жар от камина. – Пока не услышал вчера твой крик... – И он снова повернул голову ко мне. – Твой голос, запах, зов – не знаю в чем дело, но я не хочу назад. Не хочу в темноту...

Могло показаться, что он просит побыть с ним, но это было не так. Он глубоко вздохнул, и мгновение слабости прошло. На меня снова устремился холодный и решительный взгляд:

– Я спас твою жизнь. Твоя очередь спасти мою.

- Как? - дрогнул мой голос.

- Я не знаю, - моргнул он. - Но если дам уйти, обернусь зверем безвозвратно.

- У меня семья, - поставила чашку и обняла себя руками. - Они же с ума сходят!

- Ну ты же не подумала о них вчера, когда отправилась в лес, - холодно возразил он. - Одна.

- Ты хочешь меня запереть здесь? - задрожало в голосе отчаяние.

- Успокойся, - приказал. - Я не знаю, что делать. Что бы ты сделала на моем месте?

И так спокойно на меня посмотрел, что меня затрясло:

- Я не на твоём месте! - вскричала.

- Не ори, - снова жестко осадил он. - Я не знаю, как ты это сделала со мной, но то, что благодаря этому жива - совершенно точно. Ты кричала, и я примчался на помощь. Но я не хочу обратно. Не хочу умирать заживо. Я тоже хочу жить.

Я шмыгнула носом и спрятала лицо в ладонях:

- Я... у меня свадьба через месяц...

Он молчал, и я вернула на него взгляд. Зачем сказала про свадьбу - сама не поняла. Неужели мне даже в этой ситуации сложно смириться с приказом родителей? Или думала, что Медведя впечатлит? Он сидел с чашкой в руке и снова хмурился на лес за окном. Я смотрела на него и лихорадочно соображала, что сказать. Мне казалось, что сейчас можно расшатать эту щелочку, что он оставил, открыв свою уязвимость.

- Может, мы все же сообщим моим родственникам и подумаем вместе, что делать? Я же не говорю, что брошу тебя с твоей проблемой...

Ни один мускул на его лице не дрогнул, но когда он на меня посмотрел, я испугалась. Ужас прошел тело, и ладони взмокли.

- Ты сбежишь от меня, сверкая пятками, - заговорил он. - А совесть мучить тебя не будет - таким, как я, ты не умеешь сочувствовать. Я же зверь, да?

- Нет, - замотала головой.

Но он не слушал:

- Все, что ты хочешь - забыть. Свой идиотский поступок, вчерашний бег по лесу наперегонки со смертью и меня. Но не выйдет. - Он помолчал какое-то время, прежде чем зло продолжить: - Ты выдрала меня из зверя. Думаешь, это так здорово - вспомнить, как это - жить, а потом снова забыться в какой-то коме, которую даже смертью не назвать?!

Он медленно поднялся, прожигая взглядом, а я съежилась под ним. Выгорала, как брошенная в огонь бумага, и чувствовала себя опустошенной.

- Ты хочешь, чтобы я спасла тебя, но при этом... что? Осталась тут с тобой навсегда? - посмотрела в его глаза.

- Я пока не знаю, - принял он борьбу взглядов.

- Ты не отпускаешь домой! - повысила я голос, осмелев. - Ты... понимаешь вообще, что это противозаконно?! Что держишь против воли?!

- Держу? - усмехнулся он зло. - А я не держу - иди, - он повел рукой в сторону дверей.

- Что? - задохнулась я. - Там же волки...

- А мне какая разница? - прорычал он. - Или я тебя должен продолжать спасать просто так?

- Я сказала - заплачу!

– Мне не нужны твои деньги, или ты плохо слышишь?!

Я зло сопела, глядя на него снизу.

– Да пошел ты! – прорычала и вскочила с дивана.

Он не держал. Кажется, отвернулся к камину, а я рванулась к двери. То, что в одной футболке и штанах, что нет обуви, не смутило. Я не желала становиться добровольной пленницей этого зверя! Меня же ищут! Неужели мы так далеки от места, где я бросила машину? Да отец всех на уши поставит! Он прочешет каждый квадратный метр! Я была уверена, что выйду, отойду от дома, покричу... и обязательно сразу же нарвусь на какой-нибудь следственно-поисковый отряд. Ночь прошла – поиски должны идти полным ходом!

Двор оказался небольшим – засыпанная гравием площадка, окруженная лесом, и никакого забора. Спустившись с лестницы, я оглянулась на дом – деревянный, утопающий в зелени с одной стороны. Его наверняка сложно разглядеть с воздуха. По ушам бился ветер, врезаясь в кожу холодом и вынуждая дрожать. Со двора вела дорога, усыпанная мелким камнем, и я зашагала по ней, но стоило дому скрыться за изгибом, остановилась. На небе снова сгустились тучи, ветер рванулся сквозь листву, поднимая шум в кронах. И из-за этого не сразу удалось понять, что это не ветер...

Когда неподалеку раздался вой, я развернулась и бросилась обратно к дому. Сердце привычно заколотилось где-то в горле, там же застрял и крик, когда услышала азартное порывивание за спиной. Но стоило вылететь с дороги на поляну, сбоку метнулась тень, а я заорала и упала на колени. Только меня не тронули, а уши тут же заложило от выстрела. Я скрутилась до земли, закрывая голову, но меня тут же дернули за руку и поставили на ноги. Медведь бесцеремонно потащил обратно к дому, оглядываясь.

– Переставляй ноги, – рыкнул, едва ли не швыряя на ступеньки, но уговаривать меня не было нужды – я подскочила и бросилась к дверям. Он тоже не задержался – забежал следом, хлопнул дверью и закрыл ее на засов. В руке у него было ружье.

Я опустилась на пол посреди гостиной, потому что дрожащие ноги не держали, но Медведь не оставил в покое – рывком подхватил на руки и понес к дивану.

- Поела бы – бегала б быстрее, – стряхнул меня в подушки и направился в кухню.

- Почему я не могу выйти отсюда?! – подскочила следом. – Почему эти твари не уходят?! Что... – по щекам снова покатались слезы.

- Потому что они твари, а ты для них – упущенная жертва, – хмуро глянул он на меня.

- У тебя есть машина, но ты даже пальцем не пошевелил... – всхлипывала я. – Ты... – Я спрятала лицо в ладонях.

- Я выстрелил в волка, который за тобой гнался, – зло цедил Медведь. – И это не пошевелил пальцем, по-твоему?

- Отпусти меня, пожалуйста! Я хочу домой!

- Машина не заводится, я пробовал.

Он отвернулся и ушел в кухню, но не успела я выпасть в новый виток отчаяния, вернулся с аптечкой. И только тут я заметила, что разбила колени в кровь, и та проступала через ткань штанов. Медведь рывком стянул их с меня, едва не уронив меня с дивана, потом достал бутылку с жидкостью, по запаху смахивающую на травяную настойку. Я не сопротивлялась. Просто стиснула зубы, когда защипала поврежденная кожа...

- Откуда яйца, если нет света? – взглянула на него.

- В подвале две холодильных камеры и генератор, – даже не задумался он. То, что я ему не доверяла, его не возмутило. – Еда – главное для выживания. Генератор сдох недавно, значит – я был мертв месяц...

Я помолчала какое-то время, глядя на то, как осторожно он меня лечит. И стало стыдно.

- Почему это с тобой случилось?

- Никто не знает, - хмурился он. - И лекарства нет.

- Мне жаль, - искренне признала.

- Мне тоже жаль, - говорил не про себя, подняв на меня взгляд, от которого снова захотелось потеряться.

- И что дальше? - осторожно спросила.

- У меня не большой выбор действий - заботиться о тебе, раз ты все же решила остаться, - он сгреб остатки средств в аптечку и поднялся, - и не обернуться снова зверем.

Я проследила за ним взглядом, но когда он пересек гостиную, поднялась и направилась следом:

- А если меня найдут?

- Здесь тебя не найдут, - даже не обернулся.

- Почему?

- Потому что это - территория Аджуна. На нее просто так не попасть. Нужны разрешения и согласования с нашим правителем.

- Неужели не дадут организовать поиски человека? - не верилось мне. То, что Медведь так спокойно обо всем этом говорит, повергало в шок.

- Даже если и дадут, то под присмотром. Но на мою территорию все равно не пустят, - обернулся.

- Что же делать? - проскулила я, снова впадая в истерику.

Будто Медведю есть дело. У него другие проблемы, и мое спасение в них не входит.

- Ждать, пока волки уберутся. Наверное, пригнали стаю из-за вчерашнего...

- Что? – распахнула я глаза в ужасе. Мне казалось, хуже быть не может? – А если они сюда ломанутся?

- Не должны, – сложил он руки на груди. – Они же не знают, что мне нельзя оборачиваться медведем...

- А еда? – быстро сужался круг моих требований к жизни.

- Пока достаточно, – жег меня взглядом.

- И сколько ты планируешь так тут жить?

- Как твое имя? – вдруг спросил, впервые проявляя какие-то живые эмоции.

- Дана.

Он молчал. Я думала, представится в свою очередь, но он не спешил с этим.

- Я не знаю, сколько буду человеком, Дана.

- А если снова станешь медведем? – обняла себя руками.

Все становилось каким-то безнадежным. Снаружи еще рванул в порыве ветер, и я вздрогнула. Осознание, что я в ловушке, приходило медленно, и от этого было еще тяжелее.

Он не отвечал.

- А далеко отсюда до Аджуна?

- Мы не дойдем за день. А против стаи волков в лесу я не так хорош... И меня зовут Сезар.

Я развернулась и поплелась к дивану. Это все я виновата, при чем тут он? И имя такое...

Сезар...

Он подошел к камину и присел, взявшись за кочергу, а я подтянула ноги к груди и обняла их, ежась. Ступни совсем заоченели. Показалось, что в гостиной похолодало.

- Я поругалась вчера с родителями, - начала тихо. - Психанула...

Он поворошил бревна, высекая сноп искр.

- ...Мне хотелось убраться подальше, - горько усмехнулась. - Говорят же - осторожнее с желаниями...

- Сколько было волков? - вдруг спросил он.

- Два.

- Зачем из машины вышла?

- Я не сразу поняла, что человек, который вышел к машине - тоже волк... Было темно. Я подумала - меня нашли.

Когда вспоминала пережитое, незнакомый до этого страх смерти возвращался. Когда волк выскочил мне под колеса, я крутанула руль на рефлекс. Чудом, что нашла тормоза и не достала до елки у обочины. А через несколько минут к машине вышел человек. Вернее, выглядел он как человек. А я была уверена, что за мной могли увязаться охранники резорта. Даже мысли не возникло, что это не люди...

- Он стукнул в стекло и крикнул, чтобы вылезала, - тихо продолжала я. Медведь щурился на огонь, молча слушая. - Я и вылезла. Думала, он знать хочет, что я не пострадала... А он дернул двери на себя и вырвал их с корнем. Я только успела баллончик с освежителем выплеснуть ему в морду...

Сезар продолжал молчать, думая о чем-то, а я смотрела на его профиль. В глазах мужчины прыгали блики от огня и будто тонули в них, угасая искрами на ободке радужки.

- Повезло, - наконец, выдал он и поднялся. - И я последний раз прошу - поешь. Еды не так много, чтобы выбрасывать.

Глава 2

Я направился к дверям, намереваясь глотнуть воздуха и перевести дух, но девушка была слишком напугана, чтобы оставаться одной:

- Куда ты? - вспорхнула с дивана, судя по звуку.

- Мяса достану... из камеры...

Хотелось занять руки чем-то привычным, спланировать хоть что-нибудь, пусть планы и ограничиваются этим днем, потому что другого может уже не быть. Я слушал ее, но все, что говорила, не трогало. Все, о чем я думал - как дожить человеком до утра. Потому что, если я не выживу... смысл? Тело все еще казалось выданным взаймы, как и разум. Мысли были будто чужими. Ну какая мне разница, что она поругалась с родителями? Что за ней гнались белоглазые...

Твари...

Но один толк от ее рассказа был - я понял, почему взял девчонку сразу же, не соображая. Белоглазым всегда нужны были самки, а своих не хватало. Эти никогда не гнушались кражами человеческих женщин. В нашей вчерашней стычке первым, что я сделал - присвоил самку себе. Кто первым покрыл, тот и в праве. Человеком я еще не соображал, что нужно делать, но зверь во мне оценил эту необходимость приоритетной. Только и всего... для зверя. И большая проблема для меня. Что меня удерживает сейчас от того, чтобы вернуться в зверя, было непонятно. Если ответ все также в девчонке... то мне нельзя ее отдавать. И оборачиваться зверем нельзя - без меня ей остаться тут тоже не вариант. Какого черта эти твари ошиваются вокруг дома, я не понимал.

Чувствуют мою слабость? Решили забрать все же женщину?

Надо было звонить Рэму, но я не мог. Он встанет на мою сторону, не отдаст девчонку людям и подставится. А я не собирался этого допустить. Оставалось только затаиться и постараться остаться как можно дольше в сознании.

На улице пахло дождем – скоро польет снова. И от этого в груди что-то защемило. Я сбежал по ступенькам и замер у лестницы, прислушиваясь. Чувство чужого взгляда из-за листвы дернуло нервы – следят. Я обошел лестницу и направился в гараж. Ноут и телефон лежали на столе у окна – я заранее вынес их сюда из спальни, чтобы врать девчонке слаженней.

Запустив компьютер, я принялся за дело.

Нашел я свою спасительницу довольно быстро – в сети уже раструбили о потере наследницы нефтяным магнатом Рупертом Файвелом. И имя сказала настоящее, что удивило. В свои двадцать три года Дана наворотила дел. Она была не так уж и равнодушна, как я поспешил ее обвинить. Особенно впечатлил условный срок за участие в протесте против запрета на передвижение по центру Дефореста обратной. Но эта информация не была общедоступной – папочка постарался замять дело и стереть новостные ленты на эту тему. Только мне эти меры не были помехой – я специализировался на информации и ее извлечении любым способом. Пока продирался к базам данных Дефореста, отмечал, что дышится уже по-другому, что жажда жизни бьет по пальцам, возвращая чувство азарта. Я не хотел больше умирать, мне нужна была эта жизнь, в которой снова будет все, что я так любил – охота за теми, кто вставал на пути Рэма, просчет хода чужих мыслей и действий на опережение. Я нужен, черт возьми, своему народу, Рэму и себе!

Сжав кулаки, я откинулся на спинку стула и уставился на монитор. А она хорошенькая в той, другой жизни. Бунтарка. За кого она, интересно, замуж собралась? Любопытство удалось удовлетворить довольно быстро – сын одного из членов совета директоров папочкиной компании смотрел на меня в соседнем окне через двадцать секунд. Холеный. Взгляд наглый, полный вседозволенности. Что-то тут не клеилось... Бунтарка и защитница прав обратной и это что? Правда? Покопавшись еще десять минут, я знал, что у Дениэла, как звали кандидата, три привода за езду в нетрезвом, сопротивление властям при аресте и море амбиций. Последней новостью шел анонс его скорого повышения до управляющего Национального банка. Не висло. Нарушения

порядка, конечно же, были стерты из всех источников.

Нужно было закругляться, но взгляд прикипал к мобильнику. Так хотелось позвонить Рэму, услышать голос, рассказать, что вернулся... Его взгляд – последнее, что я помнил. Он звал, вцепившись в шею моему медведю, который воротил морду. Достаточно соображавший, что это – друг, но недостаточно для того, чтобы вернуться. Вспоминая те минуты, я вдруг отметил, что трогает меня это только сейчас, в человеческом теле. Тогда я смотрел в его тревожное лицо, понимал, что он в отчаянии, но ничего не чувствовал. Я хотел уйти, забыть... Черт, почему? Почему я выпал в это состояние апатии? Почему зверь внутри решил, что нам с ним больше не интересна эта жизнь? Или это был не я и не он, а кто-то решил за нас?

Я моргнул, сглатывая вязкую слюну. Во рту пересохло. У меня же сегодня праздник, второй день рожденья, мать его!.. Устал бояться, хватит. Захотелось чего-то особенного. Я порылся в запасах, выудил птичью грудку, достал вина из погреба. У меня все ж там девчонка, которую прижимал вчера к березе... Что за хрень происходит в моей жизни? И как из этого вылепить то, что нужно? Та еще задача. Но я же считал себя сообразительным.

Когда вернулся, на моей физиономии вероятно произошли слишком разительные изменения. Дана проследила за мной взглядом от камина, перед которым крутилась ежом.

– Что-то случилось? – хрипло спросила.

– Я осознал, что хочу жить, как никогда, – усмехнулся, ставя бутылку на стол. – Ты пьешь вино?

– Пью, – настороженно кивнула под моим взглядом.

– Отлично, – и я потянулся за бокалами. – Отметим?

– Что? – передернула она плечами.

– Я не знаю, – глянул в окно. – Хочется отметить...

По стеклам как раз забарабанило каплями, и желтый гравий во дворе потемнел. Хорошо подгадила погодка моим надсмотрщикам. Обратни – не звери, мокнуть ой как не любят. Я демонстративно помахал бутылкой на лестнице, гарантированно расстраивая свой конвой за кустами. Лишняя демонстрация наглости не помешает.

Дана ничего не замечала – вернулась к созерцанию огня.

– Сколько тебе лет? – И я выдернул пробку. Глухой звук ее капитуляции усладил слух. Определенно мне возвращалась способность чувствовать простые радости.

– Смешно, – повернула она ко мне голову, – тебя это интересует, когда собираешься налить вина, но не интересовало вчера, когда... – Она запнулась и прикрыла глаза.

Я налил два бокала и направился к ней.

– Честно говоря, я не знаю, что тебе сказать, – протянул ей бокал. – Не соображал тогда, что делаю... Вернее, были причины, но не человеческие. Никогда бы не позволил себе в уме взять женщину вот так.

Дана слушала меня, сжимая бокал, и, что самое интересное, отвела взгляд только в последний момент.

– Ты пытаешься извиниться? – слабо усмехнулась.

– Нет, – и я сделал глоток из собственного бокала, наслаждаясь, как никогда в жизни. Она смотрела на меня все это время, ошалев от ответа.

– То есть? – моргнула она.

– То есть, ты сделала глупость, оказавшись в мире диких законов, где нет подобных сожалений. Я спасал твою жизнь...

Она дышала все чаще, и румянец, которым запылали ее щеки, оживлял ее бледное лицо.

– Когда трахал там в лесу? – прошептала возмущенно, а я вдруг ярко почувствовал не только вкус вина, но еще и то, что дерзкие слова из ее соблазнительного искусанного рта оживляют совсем не спасательные инстинкты.

– В дикой природе хорошие полуголые самки долго не бегают, – понизил голос, проникновенно глядя в ее большие глаза. Дана ошалело хлопала ресницами, задыхаясь от каких-то недоступных мне переживаний. – Или ты не знаешь, зачем белые волки выманивают одиноких водительниц из машины? Хотела приключений?

– Ну как же я могла без них уйти? – зло изогнула она брови. – Ты решил наказать?

– Присвоить, чтобы никто не претендовал. И я не решил – это было необходимо, чтобы спасти тебя.

– И теперь я что, твоя? – закипала Дана непонятным мне праведным огнем.

– По звериным законам – да.

– У нас в городе кто только не зажимается с оборотнями за березами, что-то не слышала, чтобы кто-то кому-то принадлежал!

– Это смотря, с каким намерением зажимать, – подался я к ней, наслаждаясь тем, как цепенеет от моей близости. – Я своим делиться не собираюсь и свой выбор смогу защитить.

– Я замуж выхожу вообще-то, – не выдержала она накала, подскакивая с бокалом.

– Надо было выходить и сидеть за высокими стенами! – рывкнул так, что она отшатнулась – еле успел перехватить бокал из ее рук.

– Никогда не психовал так, что плевать было на все и всех? – вдруг возмутилась она так, что аж губы затряслись. Какие все же у нее были яркие эмоции – почти осязаемые. – Да, я сделала тупость! Но я хочу ее исправить!

- Нет такой опции, - и я снова сунул ей бокал в руки. - Пей.

Так и подмывало спросить, кто ее замуж собрался брать, такую... Я сузил глаза на ее лице, пытаюсь найти слово, которое крутилось в голове.

Ничья. Она же дикая!

- И за что тебя замуж отправили? - спросил, когда она проиграла борьбу взглядов. Девчонка сразу же вернула мне все внимание:

- Что?

- Ты не похожа на девочку, которая жаждет замуж. Я тебя трахал вчера ночью, но ты не спешишь резать себе вены. Ты не любишь того, за кого тебя отдали, да?

- Не твое дело, - процедила, а я понял, что угадал.

- Очень даже мое. Я не сильно был бы рад настолько тебя раздавить...

- Со мной все нормально, - и она сцепила зубы, обрисовывая решительный овал лица. Часто так делает - мышцы челюсти развиты заметно.

- Так за что? - смягчил выражение лица, усмехаясь.

- Ты так уверен, что замужество для меня - наказание? - Только в голосе явно скользнуло удивление. А тебя, девочка, еще и не раскусывал никто никогда, но ты этого жаждешь.

- Ну скажи, что нет, - и я поднял бокал на уровень ее глаз.

Она вздохнула и осторожно брякнула о его бок своим:

- У меня судимость. Бойся.

- Трепещу, - и я довольно глотнул из бокала.

– Отец поставил условие – выхожу замуж за respectable жениха с родословной, либо остаюсь с клеймом преступницы, и не видать мне хифака, как своих ушей.

Тоже мне «respectable» чмо.

– Хифака? – усмехнулся я шире.

– Да. По задумке родителей мы же никогда не учимся на хифаке. – И она сделала наконец большой глоток. – Я должна была стать управляющей юридического отдела!

– И для тебя это нормально? – посмотрел ей в глаза. – Замуж – это ведь всерьез.

– Это если ты относишься всерьез, – с вызовом изогнула она бровь. – Доучусь на кафедре и пошлю этого их жениха в пешее эротическое!

Я усмехнулся. А она мне нравилась все больше. «Колючая, – подсказывал медведь изнутри. – Но теплая».

– Надо было идти на юридическое, Дана, экстерном. За выступления на демонстрации не дают клейма преступницы. Максимум – административное, – и я развернулся в сторону кухни.

– Откуда ты знаешь? – донеслось до меня предсказуемо.

– Посмотрел в базе.

– Это ты так за мясом ходил? – направились ко мне, покачивая вино в бокале.

– У меня там рабочие мощности – я данными занимаюсь. Ты умеешь крупно варить?

– Ты серьезно?

– Серьезно. Я ем только мясо.

– Я про мощности, – поставила она пустой бокал на стол и подошла вплотную. А ей шел мой парфюм...

– Серьезно. Ты была плохой девочкой, да?

– Почему была? – осоловело моргнула она. – Давай свою крупу...

А ничего так девчонка смотрится на моей кухне. Я налил еще вина, с улыбкой глядя, как подтягивает мои штаны, чтобы не наступать на края внизу. Только стоило вспомнить, что под штанами ничего нет, улыбаться перехотелось.

– Я сломала руку полицейскому, который ударил оборотня, – отвоевала она кастрюлю у нижней полки с грохотом. – Так что вариантов не было...

– У твоего отца такие связи, и не было вариантов? – следил за ней.

– Смотрю, все уже узнал, – бросила на меня настороженный взгляд через плечо. – А с мясом что делать будешь?

– Тушить. С зеленью.

– А тебе сколько лет? – Я проследил, как потянулась за чашкой в шкаф и включила кран с водой.

– Тридцать три. – Вид ее натянутой шеи оживил ночные воспоминания. А когда она приложилась жадно к чашке с водой, я тяжело сглотнул и отпил вина.

– Кризисный возраст, – и она вытерла губы ладонью. – Крупу вообще надо на ночь заливать...

– Я был занят ночью, – усмехнулся, понимая, что слишком откровенно на нее пялюсь, но ничего не мог поделать. И не хотел.

Дана сдвинула брови, надкусила пачку зубами и придирчиво поворошила рис пальчиками. Потом набрала полную чашку зерен и всыпала в кастрюлю:

- Ты врешь, что не умеешь готовить крупу, - поднесла чашку к крану. - И что света у тебя нет - тоже. В подвале, значит, даже интернет есть...

- Ну вдруг ты решишь от меня сбежать все же, - усмехнулся шире, пристально следя, чтобы не напугать ее до дрожи снова. Мне нравилось это расслабленное перемирие.

- Смешно, - покачала она головой, привлекая взгляд к ее необычным волосам. - У меня нет ружья...

- Ничто не мешает тебе одолжить, - и я отставил бокал и потянулся за разделочной доской.

- Я не умею им пользоваться. Научишь?

Хваткая. Я извлек длинный нож из ящика:

- Посмотрим...

- Ну посмотри-посмотри, - усмехнулась она. - Соль где?

Вскоре она сидела с коробком моих запасов приправ, забыв посолить крупу.

- Ух ты, откуда у тебя шафран? - раскрыла мешочек и поднесла к лицу.

- Купил в Аджуне, - усмехнулся. Чем-то эта растрепанная птаха на кухне меня грела. «Теплая». Да-да, помню... А она уже полезла дальше по мешочкам:

- Твои пахнут не так, как у нас. Тоньше.

- Еще вина?

- Хочешь спить?

- Мне может жить осталось немного, почему не попробовать? Я вообще, кажется, многое упустил...

- Может, тебе дали второй шанс?

- Хотелось бы в это верить.

Я углубился в разделку мяса, не сразу осознав, что спину буравит взгляд.

- Может, ты больше не озвереешь...

Только прямого взгляда привычно не выдержала, сбежав. А я посматривал на нее, размышляя. Неужели она - то, чего не хватало и что может помочь задержаться в сознании? Почему она? Почему вообще кто-то? Неужели не все зависит от меня самого? Открытие пугало. Я ничто не любил так, как контроль над своей жизнью. Поиск ответов был смыслом всего, я наслаждался азартом погони за знанием, и ничто так не наполняло жизнью... В какой же момент все пошло не так?

- А как это?

- Что?

- Ну, как это... по ощущениям? Когда ты медведь и не можешь обратно...

- Тебе правда интересно? - огрызнулся, оборачиваясь как раз в тот момент, когда она пулей метнулась к ружью у входной двери.

Я только прикрыл глаза, слабо качая головой, и вернулся к разделке мяса. Послышался лязг - схватила довольно умело. Не один я тут врал.

- Сезар, у меня вообще-то ружье, - и она прокашлялась.

- Правда? - усмехнулся. - Ты же стрелять не умеешь.

- Ты выстрелил один раз. Значит, еще один выстрел есть. Не надо меня недооценивать. - Добавила голосу угрозы, и так это было смешно. Только мои губы поползли совсем в недоброй усмешке.

– Я тебя не недооцениваю, – продолжал нарезать мясо, прислушиваясь. Стоит на месте, дыхание разгоняется – еще бы, бокал вина залпом на голодный желудок. А еще столько адреналина...

– Пожалуйста, будь хорошим мальчиком – пошли к машине.

Как мы заговорили.

– Я был хорошим мальчиком все утро, если ты не заметила...

– Не надо мне зубы заговаривать! – разозлилась Дана, отходя от двери.

– Ты плохо меня слышишь? Машина не заводится, – все также занимался готовкой. Только не был уверен, что доготовлю, а надо бы – силы нам понадобятся сегодня. Только позже.

– Ты врешь мне постоянно. Думаю, насчет машины тоже врешь.

– Ну, вру. И что? Я никуда тебя не повезу. – Только внутри закипала злость совершенно другой природы.

– Сезар, я выстрелю, – голос девочки дрожал.

– Выстрелишь, и? Убьешь меня, а с волками что будешь делать? Ключей от машины у тебя нет, – я бросил нож и направился к крану. При этом девчонка то ли скакнула куда-то, то ли просто отшатнулась. Как не выстрелила – непонятно. – Связи нет. Ружье хоть умеешь перезаряжать?

Я скомкал полотенце и бросил на стол, оборачиваясь и упираясь в нее взглядом. Ее лицо сливалось по белизне с волосами. Но выражение решительное, глаза большие – аж залюбовался. И шагнул к ней.

– Сезар, не надо, – попятилась она.

– Не выстрелишь, – и я метнулся к ней и вбок, хватаясь за ствол. Но выстрела так и не последовало. Она только всхлипнула, оставшись без оружия, а я схватил ее за шею и притянул к себе. – Идиотка.

Дана обхватила мое запястье, а я толкнул ее к ближайшей стенке и распял на ней, дурея от ее запаха, страха и темпа бьющейся на шее вены. Думать стало невозможно, запретить себе коснуться – тоже. А она и не сопротивлялась – задержала дыхание, когда впился губами в ее пульс, и застонала, хватаясь за плечи. Пальцы еще пахли смертельным железом, которым мне угрожала, и это только подстегивало отодрать ее до черных точек перед глазами, чтобы ходить, сучка, не могла до утра!

Я наступил на низ широких штанин и дернул ее из них, закидывая себе на плечо. Дана взвизгнула и задергалась, а у меня в груди стало жарко, столько жизни, казалось, рванулось в вены. Эти секунды хотелось пить. Ее хотелось пить, как лекарство от смерти!

Я швырнул девчонку на кровать и оскалился, глядя на испуганный, но затуманенный взгляд, на задравшуюся футболку, открывающую соблазнительные бедра, и потянул свои штаны вниз. Тут в ее глазах немного прояснилось, и она развернулась на живот, пытаясь отползти, но я нагнал ее в центре кровати и задрал футболку до поясницы, открывая вид на округлые ягодицы. В налитом паху резануло так, что аж в животе все сжалось. Сдержаться и насадить ее на член тут же стоило титанических усилий.

– Куда ты, – выдохнул, тяжело дыша, и склонился к ее попке, хватая за талию. – Стоять...

Вкус ее кожи ударил в голову, добивая остатки рационального. Я прикусил ее ягодицу, оставляя метку, и Дана взвизгнула. Боится, дрожит... Так не пойдет... Крутанул ее на спину и подтянул за ноги к себе. Девчонка глупо цеплялась за задранную футболку, сжимая ее на груди, только запах не мог врать – хочет. Может, еще не понимает последствий, но протолкнуть ее «быть может» и сделать из него «да, пожалуйста» казалось несложно.

Взгляд скользнул по ее дрожащему животу и спустился меж ног. Красивая... кожа гладкая, плотно сжатые складочки, как лепестки бутона, и крышесносный аромат. Ее трепетный стыдливый стон сдавил нервы в комок, когда запустил язык в сердцевину.

– Н-н-н... – задергала попкой. Пришлось сжать и рыкнуть для остротки:

– Поздно. Разбудила уже зверя.

И я запустил в нее пальцы...

Ее всхлип рванул нервы чуть ли не с корнем, а вид ее небольшой напряженной груди обострял бесконтрольный животный голод. Что-то сделал со мной этот месяц смерти – я никогда так не дурел от женщины, а сейчас одна мысль о том, что она сбежит от меня, заставляла звереть... Но не уходить в себя, а наоборот – возвращаться. Я двигал пальцами все быстрее, жадно впитывая ее бурный ответ. Девчонка жмурилась, мяла простынь пальцами, кусала губы и стонала так, что скручивало внутренности в узел. Такая отзывчивая, чувствительная, моя... Стоило провести по ее налитой сердцевине чуть шершавым языком и надавить сильнее, и она задохнулась и задрожала.

А я смотрел и понимал, что все это больше никто не увидит кроме меня. Я не знаю, что с ней не так. Почему она влетела под кожу и выжгла там бездну, полную жажды эту бездну заполнить. Стало страшно, но лишь на вдох. Что мне, почти мертвому? Плевать, какой ценой я буду здесь держаться... Несколько секунд тишины показались мне гробовыми, и я не стал больше слушать ее поверхностное дыхание – подтянул за ноги к краю и вошел в нее с силой, возвращая себе ее стон. Я бы предпочел, чтобы она вообще больше рта не открывала, кроме как для этого. Пожалуй, ее крики – лучшее, что я слышал за всю жизнь. А она билась в моих руках, как в последний раз, забыв, что планировала сбежать. Когда я навис на дней, вжимая в кровать, Дана вцепилась в плечи и закусила губы, не понимая, что делает, подставляя шею. И я объяснил со всей страстью, щедро осыпая ее фарфоровую кожу метками.

Мы сплелись в одно. Я почти не выходил, вбиваясь до одури в нее и собственного хриплого стоны, не в силах растянуть удовольствие. Да и не было это удовольствием – какая-то дикая пляска на углях, когда невозможно прийти в себя, и что бы ни делал – будешь выгорать изнутри дотла. Я только помнил, как нашел ее губы, будто беря вдох взаймы, чтобы выжить...

Мы пришли в себя мокрые и выжатые досуха. Дана даже не брыкалась, позволяя прижать ее к себе, просто дышала, вяло шевеля губами.

– Ты – сволочь, – выдохнула она тихо.

– Скорее всего, – выпустил ее из рук и тяжело поднялся. Тело давило к кровати, а что-то внутри тянуло к девчонке. Я бросил на нее взгляд через плечо – пялится в потолок, часто моргая, будто вот-вот заплачет. Досматривать не хотелось, и я подхватил штаны и вышел из комнаты.

Только почувствовал себя еще паршивей, чем вчера.

Глава 3

Надо было стрелять.

Стоило его шагам стихнуть в коридоре, по вискам покатились злые слезы.

Кого я обманываю? Если бы этот зверь был человеком и не свалил в закат сразу... то это, пожалуй, был лучший секс в моей жизни. Несмотря на то, что было его откровенно немного. А все, что было, мне не понравилось. Откуда же было знать, что это может быть настолько... безжалостно?

Я сползла с кровати, размазывая слезы по щекам, натянула футболку и на нетвердых ногах спустилась в гостиную. Медведь вернулся к разделочному столу как ни в чем не бывало. Только нож стучал звонче и быстрее.

– Ну и какого черта ты увеличиваешь мой тебе долг?

Нож замер, а на меня устремился тяжелый взгляд, под которым придавило почти физически, но я выпрямилась и прошла за стол.

– Я и так с тобой за спасение вряд ли расплачусь, а еще этот сказочный трах...

– Вроде не бил тебя головой, – отвернулся он, будто потеряв интерес.

– Это сделали до тебя, не волнуйся, – усмехнулась я. Только внутри все противно натягивалось и дрожало так, что начинало трясти. – Ружье почему не убрал?

– Накормить тебя хочу, – и он одним движением скинул мясо на сковороду. – Ты так и не ешь...

– У моего пребывания тут очень насыщенная программа, некогда, – голос уже заметно подрагивал. – Ты не хочешь на поток поставить? Романтика, секс... Знаешь, сколько скучающих женщин у нас в Дефоресте? О, сколотил бы состояние!

– Дана, – отложил он нож, но я не дала сказать:

– Можешь не готовить – я не буду есть, – посмотрела в его глаза. – Пока ты не отвезешь меня в город, не притронусь к тому, что готовишь. Понял?!

Я оттолкнулась от стола, роняя стул, на котором сидела, с грохотом, и направилась вверх. Ждала, что догонит, накажет, ударит... Но он не пошел за мной. Только через несколько секунд внизу раздался грохот и звон, от которых растерялась совсем – Сезар вымещал злость... на сковородке.

Весь остаток дня я провалялась в кровати, прислушиваясь и вздрагивая на каждый звук. Мужчина сначала пришел в ванную, потом спустился вниз, и после этого я долго его не слышала. Снаружи снова припустил дождь. Я скользила взглядом по комнате, ковыряя каждую мало мальски привлекательную деталь. Но уже через пару часов знала их все наизусть – Сезар не особенно грузился дизайном и милыми штучками. Безжизненно, лаконично, пусто...

Разболелась голова, и я закрыла глаза. Потом сползала в ванную, замечая, что стало как-то тяжело двигаться и вообще переставлять ноги. Тело знобило, а от холодной воды, что зачерпнула из-под крана, бросило в дрожь. Я доползла обратно и улеглась на кровать, замотавшись в одеяло.

Сложно было сказать, уснула я или просто провалилась в полудрему, но, когда услышала свое имя, не нашла сил среагировать. Губы пересохли, и когда попыталась их облизать, показались очень горячими. Кровать прогнулась, на лоб легла прохладная ладонь, и Сезар, кажется, выругался.

– Дана...

Оставил в покое ненадолго, потом пришел трясти снова, приподнимая.

- Не трогай меня, - прохрипела.

- Рот открывай и пей. - Таким злым я его еще не слышала. Прильнув к чашке губами, я заморгала, пытаюсь смахнуть пелену с глаз. В комнате снова горел камин, пахло дымом, мятой и... им. Тело горело и не слушалось, сопротивляться было нереально. А Сезар влил в меня воду, и, казалось бы, оставил в покое. Но потом снова раскрыл и... стянул футболку, оставив голой.

- Пусти, - стонала я, но ему было плевать. Послышался плеск воды, и я взвыла от прикосновения мокрой ткани по всему телу. - Твою-ю-ю...

- Рот закрой, - прорычал, продолжая уматывать меня. - Лежать.

Конечно я буду лежать, лишь бы не шевелиться! Но мучитель на этом не угомонился - притащил какой-то горячий сверток и примотал его к ступням. Когда результат его устроил, он занялся ладонями - растирал и всячески грел, не давая мне уснуть. Потом менял простынь и снова заматывал в холодную, поил водой...

Эта ночь казалась бы бесконечной чередой мучений, если бы меня не прижало. На очередную порцию воды у своего лица я не выдержала:

- Сезар, - проскулила в какой-то момент, - я сейчас описаюсь...

- Я уже думал, ты не попросишься.

Странно, но страшно мне не было, хотя я понимала, что у этого чудовища нет банальных медикаментов для людей, а мне откровенно было нехорошо. Но обескураживало другое - он спасает меня. И действительно. Какими-то садистскими методами, но все же. И в туалет меня не отпустил - спустил голышом с кровати и повел, прижимая к себе, по коридору.

- Чувствую себя подружкой ботана, надравшейся на вечеринке, - пошатывалась я.

- Какое богатое воображение. Выдеру я тебя позже, - проникновенно пообещал он и собирался было направиться со мной в ванную, но я забилась в панике:

- Мы еще не настолько близки, выйди!

- Упадешь, разобьешь голову...

- И тогда тебе придется вспомнить, где у твоей машины газ, и отвезти меня в больницу, - съежилась я, усаживаясь на унитаз. - Не хочешь отвезти меня, кстати?

- Нет, - он оценил мою стабильность критическим взглядом и прикрыл двери. Только по ощущениям остался. Преуспеть стоило усилий. Тело прошибло потом, задница взмокла, и я правда чуть не соскользнула с унитаза на пол. Сезар ждал у дверей. Попробовал взять под руку, и после короткой потасовки все же сцапал.

- Сейчас не засыпай, принесу чай, - хрипло прошептал на ухо.

- А если я умру? - опустилась на кровать со стоном.

- Не получится у тебя умереть, уж прости, - накинул на меня одеяло и ушел в кухню.

Я полежала немного, пляясь на камин. Нет, все-таки мне было страшно. Просто я второй день сталкиваюсь с вероятностью смерти, и, видимо, устала о ней думать. Но страх никуда не делся. Теперь же хотелось жить до одури. И этот пляшущий огонь перед глазами, запах мяты, смятой мокрой простыни и постели казались новой точкой, вторым местом рождения...

- Мне кажется, ты преуменьшаешь угрозу моей жизни, - скосила глаза на Медведя.

- Угрозы уже нет, - подтянул он табурет и поставил на него чашку. - Ягоды прибрежника снимают воспаление, кора пирты успокаивает...

- Это же наркотик! - подскочила я.

- Жить будешь, – нахмурился он, сужая на мне глаза. – Он даст время между подъемом температуры.

- Он дает чувство эйфории и... ложного принятия ситуации!

- Да откуда ж ты такая умная взялась? – оскалился.

- Тебе на голову, чтобы не считал всех идиотами! – выпрямилась, не заботясь о нагоде – наоборот, его взгляд наливался особой искрящейся тяжестью, когда он цеплялся им за мою грудь.

- Ты кажется совсем долг не собираешься отдавать. Не учили благодарности?

- А чем мы тут с тобой занимались недавно? Разве не отдачей долгов? – повышала я голос.

- Ты сказала, что только увеличивали твой. – И ни один мускул на лице не дрогнул, только глаза ярко иллюстрировали то, что он думает о моем мнении и куда я могу его закопать.

- Посчитав разговор законченным, он сунул мне чашку с терпким медовым запахом. Чтобы маскировать остальные.

- Не буду я больше ничего пить! – вздернула нос.

- Сейчас тебе снова станет плохо, и тогда я пойду искать свой заварник, кипятить ему носик и смазывать маслом...

- Пошел ты в...

- Именно туда, – прорычал. – Пей!

- Хотя бы скажи, что тут! – неожиданно для себя перешла к переговорам.

- Куркума, перец и пирта!

- Снова!

- Дана, не буди во мне зверя – некому тебя будет заматывать в простыни!

Я обхватила чашку, злобно засопев... поставила обратно и принялась прикрывать грудь простыней, чем заслужила взгляд, полный презрения от Медведя. Когда я сделала глоток, у него аж плечи опустились.

- Почему не заведешь лекарств?

- У меня есть лекарства, – поднялся он и направился к камину, – но с ними ты будешь болеть долго.

- Ты меня убьешь, – покачала головой, закатывая глаза. – Откуда ты знаешь. А вдруг у меня аппендицит...

- При отсутствии клинической картины? – кинул на меня взгляд через плечо.

- Всякое бывает, – пожала плечами. Кора пирта меня и правда немного примиряла с обстоятельствами. – А вдруг... почки воспалились?

- Ты не пахнешь так, будто у тебя что-то воспалилось, – вяло огрызнулся он. И только тут до меня дошло, что он тоже не ел и не спал.

- Ты чувствуешь запах того, чем я болею? – моргнула я ошалело.

- В общих чертах. – От его усилий из камина летели мелкие искры, тая в воздухе. И так ему шел этот антураж, что глаз было не отвести. – Ты пахнешь нормально. Просто иммунитет сдался, когда адреналин перестал бить ключом.

- Ты точно мне все ингредиенты назвал?

- Нет, – даже не обернулся он. – Мне нет смысла тебя убивать или накачивать наркотой. Ты мне еще должна, помнишь?

– Не даешь шанса забыть, – проворчала я из чашки и сделала большой глоток. Было вкусно. Мед, лимон, мята так приятно согревали горло, немного горчила куркума на языке. Я замоталась в одеяло и подоткнула подушки под спину, наслаждаясь. Чертовы травы почти убедили меня в том, что все просто зашибись! Тепло, уютно, вкусно поят, а из кухни чем-то так пахнет, что слюной можно захлебнуться! Я усмехнулась презрительно и уткнулась носом в чашку – не собираюсь я вестись на твои запахи! Сказала же, что у меня забастовка! И ведь даже сморило почти в сон, только я вдруг подскочила от того, что желудок просто сводит требованием еды. Запах же стал совершенно беспощадным, способный мертвого поднять! Кажется, картошка и, скорее всего, мясо... Звук жарящейся еды и возни на кухне терзал безжалостно и без того потрепанные нервы. Вот изверг! У меня аж в глазах потемнело от спазма в желудке!

– Дана, – донеслось до меня, – футболка чистая на стуле.

– Что? – Сил как назло становилось все больше, но усиливающаяся дурнота и чувство голода доводили до паники. И тут меня осенило – секретные ингредиенты в чае! Даже футболку мне приготовил!

Я кое-как выпуталась из одеяла, натянула футболку и по стеночке поковыляла на адские звуки.

– Ты... – выплыла в гостиную и едва не задохнулась от дикого зрелища. Сезар как раз вываливал из сковородки золотистые кусочки мяса с травами. Кажется, розмарин... А еще чеснок... – Ты что-то добавил в чай! Я теперь с голоду умираю!

– Тебе не впервой умирать, – бросил на меня взгляд он. – Ты сутки не ешь уже... Я при чем?

Вариантов было немного – расплакаться и устроить истерику, но я была не особо сильна в таком перфомансе. Можно еще подхватить ружье, что так и стояло у стены, но оно тоже его не сильно впечатлило в прошлый раз. И оставался третий – усесться за стол и признать поражение. На мой взгляд в данной ситуации самый достойный.

– Может, еще афродизиак какой подмешал? – растеклась я по стулу, вжимая впалый живот в край стола, чтобы не так сильно урчал.

– Дана, тебе и без афродизиака хорошо, – усмехнулся он, снимая с огня кастрюлю. – Ты просто признаться в этом себе не можешь. Давно не было хорошего секса?

– Да прям, – скривилась я. – Регулярно!

– Врешь ты хуже меня. – Он сгреб чеснок в чеснокодавку и щедро выдавил его в вареный картофель, пышущий паром. Я сглотнула тяжело вязкую слюну.

– Сезар, дай уже еды, а? – проскулила я. – И потом я продолжу с тобой занимательную беседу.

– Потом мы с тобой продолжим махать мокрыми простынями, – серьезно отозвался он. – Картошку будешь?

– Все буду, – процедила.

– Ну вот так бы сразу.

Когда он поставил передо мной тарелку, я даже прослезилась – так это выглядело сногшибательно! Три желтых картофелины и кусочки белого мяса в каком-то сладковатом соусе. Я зажмурилась, перекатывая его на языке, и блаженно вздохнула:

– Умеешь ты ломать волю...

– В этом месте благодарные люди хвалят еду, – поставил свою тарелку, усаживаясь напротив.

– Я хвалю твою находчивость и познания в травках тяжелого действия.

– А ты откуда знаешь про их действие? – поинтересовался благосклонно.

– Я же на химфаке учусь. А ботаника – моя страсть.

Он промолчал, но мне было плевать. Еда была непривычной – слишком простой, но от этого не менее вкусной, чем то, что я привыкла есть. Я едва не урчала от того, как кусочки мяса тают на языке, поджимая пальцы от удовольствия.

– Кофе можно? – обнаглела вконец.

Сезар вперил в меня мрачный взгляд, медленно жуя, но снова не снизошел до ответа. Видимо, его лимит светской любезности сегодня был давно превышен, да и то потому, что месяц ни с кем не говорил.

– А как ты думаешь, за что все таки тебя замкнуло в звериной ипостаси?

– Дана, я не хочу говорить на эту тему, – хмурил он брови, глядя в тарелку.

Вообще создавалось впечатление, что терпит. А меня несло, как ребенка, которому жизненно важно разведать границы и пределы, за которыми рванет.

– А на какую хочешь?

– Никакую не хочу.

– Хорошо. А алименты обсудить хочешь?

Он вздернул вопросительно бровь.

– Что ты так на меня смотришь? – и я облизнулась.

– Пытаюсь понять, как ты можешь есть и говорить одновременно, – устало охрип его голос. – А с алиментами у тебя ничего не выйдет, если только противозачаточный имплант у тебя под лопаткой не просрочен.

Я даже жевать перестала, замирая.

– Откуда ты... – начала, но осеклась. – Его же не видно.

- Не видно, - равнодушно кивнул он. - Но в базе данных клиники запись о процедуре сохранилась. Не указан только срок действия.

- Да кто ты такой? - задыхала я чаще. - Откуда ты все это выкапываешь?

- Это моя работа, - спокойно пожал он плечами.

- Не находишь, что нечестно играешь? - обличительно ткнула в него вилкой. - Ты собираешься держать меня при себе в качестве кого? Бесплатной шлюхи? Или тебе важны отношения? Думаешь, твой праведный медведь не взбунтуется снова на твое пользовательское поведение? Не думаешь, что его именно это не устроило в твоей прежней жизни?

Сезар хмурился все больше, мрачно жуя, потом резко поднялся и развернулся к разделочному столу. Оказалось - просто добавки захотелось. Наложив себе гору мяса, он вернулся на место:

- Готова поговорить про отношения со мной?

А я думала, он уже не ответит.

- Нет. Я не хочу с тобой отношений.

- Тогда как мне удовлетворить своего праведного медведя? - вздернул брови. - Замкнутый круг, не находишь?

- А ты со всеми девушками, прежде чем затащить их в постель, всю подноготную ковыряешь до цвета соплей в детском саду?! - Он вдруг усмехнулся. - Я тебя забавляю?

- Прости, - сдвинул снова брови. - Но да. Ты забавная.

- Не прощу, - буркнула, возвращаясь к еде. - Получается, что ты мне врешь, и ничего. А я тебе соврать не могу.

- Можешь. Про цвет соплей в детском саду ничего сказано не было.

- Боже! - закатила я глаза. - Я с тобой не разговариваю больше!

- Не обещай того, что не сможешь выполнить. Тебя еще чай ждет.

- Нет, серьезно - зачем? - отложила я вилку. Ход мыслей этого неандертальца возмущал. - Ты притащил к себе в дом девушку и первое, что делаешь - лезешь рыть на нее информацию?!

- Конечно, - невозмутимо кивнул он. - Мало ли какие у тебя связи и как скоро за тобой прилетят на вертолете?

- А могут? - моргнула я.

- Уже. Но дома с воздуха не видно, только немного двор, но сесть тут негде.

- Да пошел ты! - вскочила я, швыряя в него вилку. То, что он перехватил ее на лету, не впечатлило, а только разозлило еще больше. - Пошел ты к черту, Медведь!

Я развернулась и кинулась по лестнице, но только у кровати поняла, что не стоило так прытко перемещаться по дому. Ноги задрожали, и я опустилась на четвереньки. Сердце скакало в груди, сил резко не стало, и я закуталась в одеяло.

Но в покое меня никто не оставил.

Сезар поднялся, как ни в чем не бывало поставил чашку с чаем на стул и двинулся ко мне. На мои попытки отодвинуться только сдернул бесцеремонно плед и приложил руку ко лбу. Жар возвращался.

- Пей чай. Потом снимай футболку.

- Зачем?

- Дана, злые уставшие оборотни очень плохие собеседники, - сунул мне чашку. - Десять минут на чай. Большими глотками. Время пошло.

– Ты сказал, у тебя есть лекарства! Дай уже аспирин! – крикнула ему в спину, но он уже скрылся в коридоре.

Чашка не последовала за ним только потому, что не было сил ее запустить. А потом – мне надоело чувствовать себя развалюхой. Наплевав на все, я принялась исполнять приказ.

Медведь вскоре погасил внизу свет и вернулся с запасом дров для камина. Я сжимала чашку ладонями и коленями, чувствуя, как с каждым глотком отпускает, и смотрела, как он снова разгребает угли в камине и кладет свежие бревна, щурясь на жар огня.

Никогда не встречала такого мужика в жизни, чтобы вот так мной командовал. Даже отцу не удавалось, а он у меня тот еще тиран. Про окружение и говорить не приходится – вся эта вылизанная «золотая» молодежь меня ввергала в скуку. Позолоченный налет на каждом слове вставал в горле и мешал дышать... У меня было чувство, что я пытаюсь нырнуть в лужу.

Когда отец пригрозил, что оставит мне запись о судимости, если не выйду замуж, я думала, ударю его. Но я проглотила. Пять дней во мне бурлило бешенство. Я все наблюдала, как ему будет житься с таким решением. Но жилось ему отлично. Полный уверенности, что делает мне лучше, он даже воспрял духом. А когда на нашу виллу завалился мой будущий муж, терпение лопнуло. И вот к чему это привело. Кажется, не только Медведю нужно думать о своем поведении и ошибках. Но он был занят другим – подошел, забрал чашку и дернул с меня футболку.

– Что?.. – задохнулась я от неожиданности.

А он стянул с себя штаны и залез ко мне, натягивая на обоих одеяло.

– Какого ты делаешь? – возмутилась я хрипло, ворочаясь в его руках.

– Дана, замолчи, – устало приказал он, прижимая к себе спиной. – Уже утро почти. Быстрее пропотеешь и забудешь о своей болезни.

Когда просьба соединяется с невозможностью сопротивляться, возражать сложно. Я подергалась для приличия, гневно сопя. Это было слишком! Кто он такой, чтобы вот так просто меня прижимать к себе под одеялом? Все это было даже интимнее, чем секс. И это сбивало дыхание, разгоняло сердце... и осыпалось влагой на коже. Я взмокла, не успев даже начать смиряться с его близостью. Сезар же совершенно спокойно себя вел, будто каждую неделю вот так вот лежит с очередной спасенной незнакомкой и заставляет ее потеть...

Когда мы взмокли оба, он выпустил, потянувшись за простыней, тщательно меня обтер, оглушая окончательно. Я не могла сказать ни слова... Обо мне так никто никогда не заботился. Ну или я не помню этого, к сожалению. Носить чай, обтирать, водить в туалет – к такому я не была готова.

Я шмыгнула носом, и чертов Медведь оживился:

– Что с тобой?

– Отстань, Сезар, – беззлобно простонала, принимая возвращение его близости.

– Не могу, Дана, – и он уткнулся носом мне в шею. – Мне нужен твой запах. Я боюсь не проснуться...

Я зажмурилась, тяжело сглатывая, пытаюсь вместить такое простое и страшное признание.

Глава 4

Мне снилось, что я снова медведь и не могу выбраться и вернуться к Данае. Слышал ее голос, крик, просыпался несколько раз и будто возвращался из ада в свой собственный концентрированный рай. Рай, в котором я был жив, Дана – в руках, а треск в камине наполняет спокойствием.

Кажется, нормально уснул, только когда рассвело. Но снова провалился в тяжелый сон, наполненный дождем, холодом и сыростью. Я ходил вокруг своего пустого дома, но не мог найти что-то важное, начал метаться, пока не проснулся

от собственного крика и касания.

– Сезар, – сжались чьи-то пальцы на плече. Я едва ли слышал слова из-за собственного лихорадочного дыхания. – Сезар, проснись...

Я раскрыл глаза и резко сел, оглядываясь. Дана сидела рядом. Наши взгляды встретились, и ее был очень тревожный.

– Тебе плохо? – прохрипел, на что ее брови поползли вверх:

– Не мне. Тебе плохо. – Мы уставились в глаза друг друга, но она сдалась первой, поднимаясь: – Я кофе сварила. Со специями. Будешь?

Я рывком вцепился в ее штаны и дернул к себе. Девушка упала в мои руки, взвизгнув, и я быстро коснулся лба губами, и тут же перепроверил ладонью.

– Норма.

– Да я и без тебя знаю! – заворочалась она, выпутываясь. – Псих.

Поднялась, поправила футболку, подтянула штаны повыше и пошлепала босиком вниз. Я проводил ее взглядом и протер лицо. Камин погас, по полу разливалась бледная стылая постель позднего утра. Пахло дождем. И Даной. Я весь ею пропах так, что с первого раза и не отмыться. Да я и не собирался. Ее запах дарил спокойствие и почти физически держал. Я просто в это верил. Но и побочный эффект имелся – я хотел жить еще сильнее, до рычания, до зубовного скрипа.

Дану я нашел в гостиной. Она билась за статус-кво с моим камином, и я не стал мешать. Тяжело опустился на стул так, чтобы видеть ее и окна. Надо будет прогуляться по округе и разведать, сняли белоглазые свое наблюдение или нет.

От камина послышалась отборная ругань, и я перевел взгляд на более приятное зрелище – встрепанная девушка со спичками. На ее лице некоторое время прыгали отблески огня, потом все тухло, Дана ругалась и начинала все сначала. Кофе приобретал все больше вкуса с каждым глотком... А ведь я раньше не умел так ценить... каждый глоток. А что еще удивляло – девушка меня не упрекала в

том, что не бросаюсь на помощь. И истерику побежденной не разыгрывала.

- Ты на завтрак что хочешь – хлеб с соленой рыбой или кашу с ягодами? – поднялся, когда кофе кончилось.

- И то, и другое, – откинула она налипшие на лоб волосы. Значит, потеет. А значит – идет на поправку.

- Воды выпей, – и я направился на улицу.

Прохладный воздух дернул нервы и зверя внутри так, что я схватился за перила до побелевших костяшек. Грудную клетку сдавило страхом: а вдруг не смогу удержаться? Я же обреку ее на смерть, если меня не станет. Взять себя в руки стоило всех сил. Надышавшись и успокоив сердце, я открыл глаза – не сдамся. Не хочу. Смогу победить эту чертову поломку в башке!

Когда вернулся в кухню, по спине бежал ручьем пот. Дана бросила на меня тревожный взгляд от камина – таки победила его.

- Тебя, может, научить растапливать камин? – Голос охрип. Хорошая идея – научить ее всему на случай моего фиаско. Оставляю ей оружие, мобильный, ключи от машины... Я так задумался, что даже не услышал ее ответа: – Что ты ответила?

- Ничего я не ответила, – поднялась она и направилась ко мне. – Давай сюда. Сегодня я о тебе забочусь... – Она забрала у меня из рук пачку мороженых ягод, строганину и хлеб и направилась к столу. – Тебе снова плохо?

- Нет, – опустил я на стул, тяжело дыша.

- Жаль, что у тебя нос не растет от вранья, Медведь, – привстала она на цыпочки, вытягиваясь за сковородкой.

А я залип на ней, наслаждаясь каждым ее движением, как недавно вкусом кофе. Дана даже в мешке из моей огромной одежды казалась притягательной, привлекала внимание. И эти ее волосы... А еще глаза. Она поглядывала на меня все время, боялась поворачиваться спиной. Нет, мы не примирились, даже не

начали. И не скоро сможем, потому что в груди снова вспыхнула жажда, что она вызывала. Я облизал пересохшие губы и отвернулся:

– Я в душ...

Стоя под прохладными струями воды, немного приходил в себя. Нельзя... Нельзя хватать и делать все, что хочется. Нельзя жить одним днем, иначе он и правда станет последним. Она права – я привел в дом женщину, а веду себя так, будто завтра не настанет.

Допустим, настанет. Что дальше? Еще вчера было плевать, но сегодня девчонка уже начала впитываться в душу... Я не знаю, что с ней не так. Но она и правда особенная. Пока что, по крайней мере, кажется такой. Она идеально смотрится на кухне, лежит в руках... и стонет подо мной тоже идеально.

– Черт! – ругнулся на мгновенный каменный стояк и закрутил горячую воду, награждая себя ледяным дождем. Мне кажется, я даже Бога помянул, хотя никогда не молился. Нашел время, что уж...

Наскоро обтеревшись, натянул штаны и вернулся в гостиную. Дана уже приготовила сэндвичи из рыбы и масла, на печке похрюкивала овсянка, а в раковине размораживалась черника.

– С возвращением, – бросила на меня напряженный взгляд. – Послушай, давай поговорим. – Передо мной снова возникла чашка кофе, а Дана уселась на соседний стул со своей. – Если тебе плохо, я должна быть в курсе...

– Я оставляю тебе все необходимое в подвале – мобильный, оружие, ключи от машины...

– Ты говорил, что машина не заводится, – закатила она глаза.

– Ключи от подвала буду хранить в кармане штанов. Если обернусь, штаны мне больше не понадобятся. – Дана отвернулась в окно, будто ей неинтересно. – Ты меня слышишь?

– Слышу. Но нам же это не нужно, да? – вернула на меня взгляд.

Я сузил глаза на ее лице:

- В смысле?

- Сезар, у тебя есть более привлекательный план, кроме как оставить мне свои штаны?

- Откуда ему быть? - начинал злиться.

- Тебе нужен психотерапевт, - покачала она головой.

- Зато ты, смотрю, оклемалась, - я сжал чашку.

- Хорошо, что ты это заметил. Может, отдашь мне штурвал? Тебе нужна помощь. Сидеть здесь и ждать, пока снова обернешься...

- Нет у нас никакой помощи, - прорычал, устремляя на нее злой взгляд. - Мне не к кому обратиться. Было бы - я бы давно это сделал. Но за пятнадцать лет никто так и не понял, что с нами происходит...

Только не успел закончить, по ушам мягко прошелся звук вибрации. Я выпрямился и медленно перевел глаза в окно. Дана тоже напряглась:

- Что такое? - проследила мой взгляд.

Я молчал. Потому что точно знал, что это.

Если дружить со спецом по шпионажу, нахватаешься же от него чего-нибудь. Я медленно встал и направился на улицу, но дальше крыльца идти смысла не было. Осмотрев двери, чертыхнулся. А вскоре на площадку перед домом вырулил знакомый джип.

Дана высунула нос на улицу, но размахивать руками и кричать о помощи не спешила. Хотя могла бы попробовать.

А я видел его взгляд и стискивал зубы. Представляю, что Рэм сейчас думает. Он так и не спустил с меня глаз, вылез из машины и ошалело направился к крыльцу. Видно было – летел всю ночь. Наверное, не сразу увидел сигнал маяка, а как увидел, прыгнул за руль, едва нацепил футболку. Я спустился навстречу.

– Сезар... – и Рэм вцепился в меня медвежьей хваткой, обнимая. – Я увидел сигнал, думал, в дом вломился кто... Черт...

Он выпустил меня из рук и притянул к себе, касаясь лбом моего. А я впал в ступор. Не мог ни говорить, ни реагировать. Я не был готов его видеть снова. Рэм – мой лучший друг. Он был мне ближе, чем брат. А еще напоминал о том, чего я лишился и все еще могу лишиться. Это было похоже на сеанс спиритизма, в котором призванным духом был я.

– У тебя мобильный разрядился? – всматривался он мне в глаза. – Или станция легла?

– Станция у него легла только для меня, – подала голос Дана, привлекая внимание Рэма. – Привет.

– Привет, – неуверенно ответил он, раскрывая глаза шире.

– Я объясню, – прокашлялся я. – Дана, иди в дом.

– Я бы тоже послушала, – неожиданно шагнула девчонка вниз и протянула руку Рэму. – Дана. А на столе завтрак и кофе.

У меня в груди сперло от ее наглости. Я только сдвинул брови и открыл рот, чтобы рыкнуть, но Рэм «отмер» первым:

– Рэм, – пожал ей руку, изумленно всматриваясь в мое чудо в мешке.

– Проходите, – заправски кивнуло «чудо» на двери. – А вы тоже медведь?

– Да, – усмехнулся Рэм, подчиняясь.

Я ошалело двинулся следом.

Мы так и замерли с ним вдвоем посреди гостиной, а Дана как ни в чем не бывало принялась хлопотать на кухне.

– Вам кофе, Рэм?

– Да, пожалуйста, – и он перевел вопросительный взгляд на меня.

– Проходи, – не придумал ничего лучше.

Я готовился к тяжелому разговору, но тот все не начинался благодаря одной деятельной особе.

– А вы тут как оказались? – В прозорливости Рэму не откажешь – сразу понял, кто тут будет объясняться живее контуженного доходяги.

– Убегала по лесу от волков, – защебетал мой птенчик. Мне осталось только опереться на кухонный стол позади нее, чтобы не расслаблялась и не пицала лишнего. – Наткнулась на медведя, представляете?

– А что вы делали в лесу? – Рэм боялся спугнуть докладчицу, медленно опускаясь на стул напротив и не спуская с нее взгляда.

– Сдуру поехала одна на машине, волки меня подрезали и все... песец котеночку. – Она ловко мешала кофе, не давая ему сбежать. – Был бы. Если бы не Сезар.

– А когда он из медведя в человека обратился?

– Я вообще-то тут, – заметил я.

– Сразу, – проигнорировала меня Дана. – Раскидал волков и обратился.

– Какой молодец, – усмехнулся Рэм, восхищенно глядя на меня.

– Сезар, в камин надо дров подкинуть, – обернулась Дана.

Я отлепился от столешницы, держа ее на прицеле – какого черта она задумала? Подхватить двустволку и ускакать в машину? Хороший план... с ее точки зрения. С моей – идиотский. Мы оба выяснили, что стрелять она ни в кого не может. Или я укрепил ее за вчера в обратном мнении?

Двустволка так и стояла у стены, и я, недолго думая, поманил Рэма за собой к камину.

– Я правильно понял – ты ее спас и вернулся? – сел он на диван.

– Да.

А дальше должен был последовать ожидаемый вопрос. Только Рэм меня удивил.

– Знал, что ты не позвонишь, если вернешься. Поэтому и поставил датчик. – Я молча поправлял бревна, вороша угли сильнее, чем требовалось. – А эта Дана, похоже, та самая, которую позавчера потерял Руперт Файвел. – Это был не вопрос.

– Не хотел тебя впутывать.

– Я надеялся, что это действительно ты и что не хотел впутывать, – улыбнулся Рэм.

– Мальчики, кофе и сэндвичи, – нарисовалась Дана с подносом. А я впери́л в нее взгляд, когда она склонилась ко мне с чашкой. «Беги уже», – прорычал мысленно. Но девчонка только насупилась и... прошла мимо ружья. А потом вернулась на диван с тарелкой и забралась на него с ногами. – Я хотела бы знать, что вы надумаете, – вздернула бровь на мой требовательный взгляд.

Я моргну́л, все больше не понимая. Ружье под рукой, машина под окнами...

– Ты ключи в машине оставил? – перевел я взгляд на друга.

– Да. А что такое?

– Ничего, – капитулировал раздраженно и взялся за чашку.

Дана как ни в чем не бывало ела кашу, при этом сложно было заставить себя оторвать взгляд от того, как ложка исчезает между ее губ и медленно возвращается, вылизанная до блеска.

- Ее родители ищут, - кивнул на Дану с усмешкой Рэм. - Подавали запрос на поиски на нашей территории...

Повисла пауза, но ожидаемого напряжения я не почувствовал. Дана застыла с тарелкой, покусывая задумчиво уголок губ и поглядывая на меня. Хитрая bestия!

- И? - нарушил я тишину.

- Раин отказал. Они пошли в мировой суд...

- Долго будет тянуться? - подала голос Дана.

И у меня возникло ощущение, что ответ ее интересует совершенно не с той стороны, с которой я ожидал.

- А вам как надо? - откинулся на спинку кресла Рэм.

- Потяните их подольше, - взорвала мой мир девчонка.

- Что? - усмехнулся я. - Тебе вчера от температуры предохранители перегрело? Ты же готова была от меня босиком бежать!

- Передумала, - пожала она плечами.

Нет, она моей смерти хочет! Я испепелил ее взглядом, чувствуя, что накаляюсь добела от того, что ни черта не понимаю! Да уподи ты Рэму на грудь и всплакни, чтобы дрогнул! Я знал, что не дрогнет, но, черт возьми, ты должна была попробовать!

- Почему?

- Потому что ты тут один с ума сойдешь, - зло глянула на меня. - И ты сам сказал, что спас мне жизнь. Теперь моя очередь.

Рэм с интересом слушал наши препирательства.

- Дана, прости, но мне он нужен на пару слов с глазу на глаз. Сезар, выйдем? - поднялся после небольшой паузы, которую мы были не в состоянии заполнить.

Я припечатал девчонку взглядом и поднялся вслед за другом. На крыльце он обернулся:

- Это из-за нее?

- Что? - посмотрел в его лицо, но не выдержал взгляда.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой, верить в нее и мечтать вернуться. Дана не принадлежала старой жизни и не будила столько чувств, но Рэма я уже однажды бросил...

- Из-за нее ты вернулся?

- Похоже на то, - нахмурился.

- Не веришь, что надолго?

Я прикрыл глаза, сглатывая горечь:

- Сложно верить. Если я уже деградирую...

- По тебе не скажешь...

- Я не хочу ложных надежд, - перебил.

- Понятно, непросто, - кивнул он, - но этот шанс нельзя упускать...

– Я так и знал, что вмешаешься, подставишься, – сжал кулаки досадливо, упираясь ими в перила.

– Ничем и никак мне это не грозит. Раин сам будет стоять до последнего и без моего вмешательства. Другое дело, что у ворот Аджуна рыдает ее мать...

– У них не заладилось, – машинально объяснил я, пялясь на лес.

– А ты уже многое знаешь...

– У нас тоже не заладилось, – повернул к нему голову. – Вчера она бегала от меня по лесу и угрожала ружьем.

– Зато сегодня что-то поменялось, – усмехнулся он.

Хотел бы я знать что. Мы оба пропахли ее кофе, щедро сдобренным специями. И мне не терпелось прижать девчонку к какой-нибудь поверхности и выдавить правду. Она сегодня сводила с ума, и это не давало впасть во вчерашнее отупение.

– Мне нужно ее обезопасить, – посмотрел в его глаза. – Чтобы могла выбраться в случае, если я... снова уйду без возврата.

– Оставь ей мобильный, – глухо отозвался Рэм. – Работает же?

– Да, – и я снова отвел взгляд на лес.

А ружье все еще было у стены, не облегчая моих вопросов к девчонке. Значит, не раскусил ее хитрости. Что тогда? Я хотел сказать про белоглазых, но отвел взгляд – они же не подходят к медведям. Пусть шарятся, плевать. Может, скоро сами уберутся, а у Рэма и так теперь полно забот.

– Можно, я буду тебе звонить каждый день? Все равно буду рядом – не уеду, ты же понимаешь.

– Звони, – кивнул. – Прости.

- Ненормальный, - покачал он головой, усмехаясь. - Я думал, потерял тебя.

Я не мог не ответить на эту теплоту хотя бы слабой улыбкой. Не представляю, что бы делал на его месте. Наверное, на моем - и то проще.

- Может, ты заедешь через пару дней, посидим у костра, мяса пожарим, - предложил неуклюже.

- Это... да! - пожал он плечами, улыбаясь. - Отличная идея. Я с удовольствием.

Рэм не бросал меня последние дни перед окончательным оборотом, но мне это не помогло. Наша с ним история тех дней - сплошная драма. И я не хотел повторения. Лучше тихо уйти, но не видеть больше его душевного надрыва.

- Может, вам нужно что-то? - вдруг предложил он.

- Я подумаю, напишу.

То, что у Даны не было шмоток, он вряд ли решит. Да и мне это каким-то извращенным образом нравилось. Я бы ее вообще раздел...

Пришлось хрипло откашляться.

- Я попрощаюсь тогда...

- Осторожней только, а то ружье у меня там...

Теперь уже хрипло откашлялся Рэм. Я оттеснил его от входа и толкнул двери, но никакого ружья мне не уперлось в лоб. Дана что-то задумчиво помешивала в кастрюльке на плите, деловито подперев бок тонкой рукой. На наше появление обернулась, тревожно уставившись сначала на Рэма, потом на меня.

- Ну? - спросила как ни в чем не бывало. - Что решили?

- Что Рэм приедет через пару дней на барбекю, - сложил я руки в карманы брюк.

– А вы прям современные ребята, – криво усмехнулась она.

– Тебе, может, нужно что-то? Рэм может привезти.

Она пожала плечами:

– Много всего и ничего одновременно. Если я начну писать список, твой друг пожалеет, что вызвался помочь.

– Настоящий вызов, – усмехнулся Рэм. – Но все же.

– Думаю, мы с Сезаром разберемся, спасибо.

– Очень на это надеюсь, – кинул взгляд на меня Рэм. – Ну, тогда до встречи, Дана.

– Пока, Рэм! – махнула она рукой. – Приятно было познакомиться.

Наши взгляды встретились, и она на этот раз выдержала мой, проводив своим до дверей.

Глава 5

Мда, с кэробом выходила какая-то сомнительная авантюра. Хотя пахло неплохо. Интересно, зачем Сезар держал этот порошок?.. Я занимала мысли всякой ерундой, а руки – действиями. Лишь бы не думать о главном.

Остаток ночи выдался нелегкий. Сезару было плохо. Он вздрагивал, стискивал зубы и задыхался, успокаиваясь ненадолго, а я просидела рядом до рассвета, глядя на него. От него все еще хотелось бежать. Но появилось что-то еще, что, как мне казалось, давало повод остаться. Было в нем что-то такое, по чему я изголодалась в своей обеспеченной жизни, полной бессмысленной показательной борьбы. Я ведь всю жизнь считала себя противницей того общества, что меня взрастило. Но так ли это было на самом деле? Почему-то здесь, за пределами

города и стен, без защиты, я чувствовала всю бессмысленность, которой наполнила жизнь. Может, угроза этой самой жизни заставила переосмыслить все? А может, все не так сложно, и просто задница снова просит приключений, а этот мужчина – самое большое из всех за мою жизнь. Вчера он дал понять, что стоит того, чтобы остаться. Слишком настоящий, дикий... и будоражащий.

Когда хлопнули двери, я вздрогнула, уронила ложку в кипяток, и горячие капли ляпнули на локоть. Я отскочила... и тут же попала в руки Сезара. Он подтащил к раковине и сунул руку под воду, вжимая меня в тумбу. Так мы и замерли, будто у обоих враз не стало сил.

– Ну и какого черта ты творишь? – хрипло прошептал на ухо так, что у меня аж дыхание застряло в груди.

– Шоколад варю, – так же тихо ответила.

– Я не об этом, – прорычал. Выключил воду, но свободы не дал. – Почему ты решила остаться? Только не ври про долги.

– Я уже все тебе сказала, – передернула плечами. – Сам ты не вывезешь...

– Дана, – раздраженно перебил, но не на ту напал.

Я дернулась, и он позволил развернуться лицом:

– Ты кричал всю ночь, мучился... – уставилась с вызовом в его глаза.

– Жалость? – криво усмехнулся он.

– Не только, – отбрила и нахмурилась: – Ты чего добиваешься? Не нужна, так позвони Рэму, пусть отвезет меня к мамочке!

– Совсем тебя не трогает?

– Она мне не мать, – спокойно доложила я. – Мою я не помню даже, а эта из кожи вон лезет, чтобы заменить ее...

- А отец? - внимательно рассматривал он мое лицо. - Или мстишь за то, что надавил с замужеством?

Я стиснула зубы, отводя взгляд, а он вдруг схватил за шею и притянул к себе, прижимаясь губами ко лбу. И это настолько оказалось неожиданным, что я оцепенела... прежде чем поняла, что он просто пробует температуру.

- Поднимается, - спокойно констатировал и выпустил, а у меня аж во рту пересохло. Я беспомощно проследила, как он направился к печке.

- Меня тошнит от твоего чая, - мстительно заявила ему в спину. - И голова болит.

- Это от зверобоя, - спокойно ответил. - Повышает давление...

- Он же от депрессии...

- Ну тебе же полегчало? - усмехнулся зло.

Гад. Но я выдохнула, вдохнула и направилась следом:

- А все оборотни так много знают о растениях?

- Нет, - он достал коробку с травами, которую я потрошила все утро. Чего там только не было, и все почти незнакомое.

- А ты откуда знаешь? - я подтянулась на руках и уселась на стол.

Сезар помолчал некоторое время, прежде чем ответить:

- Мать разбиралась.

- А у тебя с ней нормально все было?..

- Нормально.

Он подхватил мой недоделанный напиток из кэроба и сыпанул туда чего-то одного, потом другого, поставил на огонь...

- Ты можешь рассказать, что кладешь?

- Все то же самое.

- А если бы у меня была аллергия? У многих людей аллергия на растения.

- Ну, значит, не повезло бы, - усмехнулся, все так же не глядя на меня.

- Почему ты ведешь себя сегодня, как мудака?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vladimirova_anna/plennica-medvedya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)